

Две судьбы в начале пути.

Традиционная история – это «мужская история». Женщинам отводилось в ней место, если они вели себя «по-мужски» - правили странами, воевали, создавали научные теории и т.п. Остальные женщины историей «замечены» не были, «главным образом потому что, казалось будто они, их опыт, их деятельность, их сфера жизни не представляют исторического интереса»¹. Однако это совсем не так. Именно опыт, деятельность, влияние женщин сделали историю такой, какой она нам известна.

В североамериканских колониях, в частности в Новой Англии, «женщины были изначально исключены из общественной жизни, где политика и гражданство имели особое значение, но они сумели значительно изменить границы этой сферы, тем самым, внося изменения в саму политическую жизнь. Но на это им потребовалось значительное время»².

Впервые вопрос о равном с мужчинами статусе для женщин был поднят Энн Хатчинсон. Она бросила вызов теократии Бостона не только в вопросах религиозной догматики, но и о праве голоса для женщин в религиозных делах. Наши знания об этой женщине, к сожалению, скудны и односторонни. Она не оставила писем или дневника, никто из ее семьи или последователей не нарисовал ее портрета, никто не записал ее «бесед», чтобы они дошли до нас. Большинство информации о ней мы черпаем в записях ее злейшего врага Джона Уинтропа, губернатора Массачусетса. Он дал такую характеристику Энн: «Женщина острого ума, несгибаемого духа, дерзкая на язык, более смелая, чем мужчина, но обязанная находиться на той ступени, на которой стоят другие женщины»³.

Энн Хатчинсон (1591 – 1643) происходила из семьи пуританского священника из Линкольншира Томаса Мабери, который за свои религиозные взгляды побывал в тюрьме. Сама она стала горячей поклонницей взглядов и проповедей священника Джона Коттона – эрудита, известного всей Англии богослова, почитаемого пуританами. В своих речах он излагал концепцию о «миссии в дебри», о создании «Нового Иерусалима» в Америке, призывая своих сторонников отправиться в Новый Свет. С опальным теологом в Северную Америку уехал один из сыновей Энн Хатчинсон и семья младшего брата ее мужа. В 1634 г. туда отправилась и Энн с мужем и десятью детьми. В

сентябре они прибыли в Массачусетс. Ее муж, Уильям Хатчинсон, был из семьи потомственных купцов. Благодаря успешной торговле полотном, семья быстро стала одной из богатейших в городе. Они получили участок под строительство дома, потом купили еще 50 акров неподалеку. Уильям Хатчинсон занял высокое положение в городе, став членом Общего собрания и городского собрания Бостона. Кроме того, он был избран дьяконом церкви⁴.

Энн вела активную общественную жизнь, встречалась с соседками, помогала им своими советами, акушерскими знаниями. Со временем она стала известной личностью в городе, с ее мнением считались многие мужчины. В колонии Массачусетс в это время было одиннадцать священников. Первым проповедником в Бостоне был Джон Вильсон. Энн Хатчинсон отрицательно относилась к нему, считая несправедливым то факт, что Джон Коттон занимает только пост пастора, а Вильсон – проповедника. Коттон превосходил Вильсона по эрудиции, красноречию, умению найти подход к людям. Кроме того, Коттон был ученым, до отъезда в Америку преподававшим в Кембридже и потому привыкшим к серьезной научной полемике⁵. В 1636 в колонию приехал священник Джон Вилрайт, муж сестры Энн Хатчинсон. Его взгляды были близки взглядам Джона Коттона. Энн считала, что ее зять тоже был бы проповедником лучше, чем Вильсон. Встречаясь с соседями, приглашая их к себе в гости, Энн Хатчинсон вела с ними обсуждение качеств этих священников и проповедей, произносимых ими.

Скоро эти дискуссии превратились в споры по основным вопросам веры. Число участников этих встреч постоянно увеличивалось. На них присутствовали в основном состоятельные женщины, их было около 60. Среди немногих мужчин на этих собраниях были богатейшие купцы и ремесленники Бостона, и даже сам губернатор Генри Вейн. Его участие в этих собраниях и сочувствие взглядам Хатчинсон придавало всем этим событиям особый оттенок.

Генри Вейн был сыном высокопоставленного аристократа в Англии, которому Карл I разрешил поездку в Америку на три года. В октябре 1635 г. 24-летний Генри прибыл в Бостон. В Массачусетсе к тому времени сложилась напряженная ситуация в связи с усилением власти теократической пуританской олигархии, сосредоточившей в своих руках светскую и религиозную власть. В мае 1636 г. на Общем собрании колонисты избрали Вейна губернатором, надеясь на то, что его молодость, энтузиазм, недавнее участие в предреволюционных событиях в Англии, помогут либерализовать политику магистрата.

Генри, заняв этот пост, быстро разглядел корыстный и тупой фанатизм членов городского управления, и стал участвовать в собраниях тех, кто был недоволен засильем ортодоксальной «аристократии».

Этим засильем возмущались купцы, которые не могли пробиться в «аристократию» и уничтожить торговые ограничения, вводимые магистратом. Рядовые колонисты возмущались духовным угнетением, преследованиями англикан и сепаратистов. Недовольство вылилось в движение антиномистов. Главным оратором движения и толкователем вопросов веры стала Энн Хатчинсон. Она хорошо знала Библию, руководствуясь в своих речах ею и поучениями Джона Коттона. Эта женщина начала выступать против жесткой ортодоксии еще на борту корабля, везшего ее в Америку. Храбрости и красноречия ей было не занимать. Однажды в Бостоне она уже победила в споре с ортодоксами благодаря редкостному знанию лечебных трав и своему острому языку⁶.

В чем суть «бесед» Хатчинсон? Ее идеи были отражением давнего теологического спора о путях «спасения»: через деяния или через веру. В своих проповедях Энн заявляла, что «священники обучены «ковенанту дел», а Библия показывает путь к спасению через «ковенант благодати» или «ковенант духа». «Ковенант благодати» делал религию результатом прямого взаимодействия человека и его создателя, тогда как «ковенант дел» требовал только послушания писанию, чьим интерпретатором мог быть только священник. Она утверждала, что местные священники, в том числе Джон Вильсон, подменяли «духовное» очищение, через которое возможно «спасение», таким «очищением», которое возможно только при праведном поведении. «Святость», по ее словам, достигается человеком при непосредственном «общении человека с Богом, который и помогает человеку познать «святую истину». А раз так, то излишними являются послушание священникам и «ковенант дел», на котором настаивают служители церкви. Таким образом, в ее проповедях священники лишались монополии на «истинное» толкование Библии.

Магистрат и священники-ортодоксы с яростью ополчились против Энн Хатчинсон. Энн и ее сторонников стали называть «антиномистами» (от греч. «antinomia» - противозаконность). Откуда такое название, ведь речь шла о чисто догматических вопросах? «Сколь бы богословским ни был образ мышления пуритан, предметом их спора всегда были общественные институты. Богословие волновало пуритан не само по себе, а в приложении к течению повседневной жизни, особенно общественной. Условия пустыни, оторванной от центров

науки Старого Света, не благоприятствовали тому, чтобы пуритане с жаром предались богословским спорам по теоретическим вопросам. Иное дело - испытание богословских ценностей на прочность». Такую оценку дает американский исследователь Д. Бурстин теологическим спорам в Массачусетсе⁷.

Хатчинсон, утверждая, что каждый может напрямую общаться с богом, требовала равенства для себя и каждого из колонистов с теми, кто управлял их жизнями и умами в колонии, доходя в этом до династии Стюартов. Но невозможно было бросить вызов религиозному устройству Бостона без вызова его государственному устройству, т. к. между ними не было разницы.

Напуганные ортодоксы бросились в атаку с двух сторон – через гражданский суд и религиозные процедуры, чтобы вернуть себе прежнее влияние и подорвать силы противника. 25 октября 1636 г. в Бостоне состоялось очередное Общее собрание. На него были привезены священники из всех поселений Массачусетса на обсуждение «дела Хатчинсон». Были допрошены Коттон и Вилрайт. Джон Коттон, ранее заявлявший, что для него «религия любви, которую Энн проповедовала, была более созвучна его доброжелательной натуре, чем жесткие ограничения закона и права», отказался поддержать женщину в сложной ситуации, опасаясь за свою безопасность и карьеру. Главными ее защитниками стали Джон Вилрайт и Генри Вейн.

Магистрат провел пропагандистскую кампанию по дискредитации Генри Вейна, представляя его молодость и неопытность в делах управления как наиболее возможную причину «беспорядков» в колонии и, как следствие, вмешательства метрополии в дела переселенцев, чего они боялись больше всего. Весной 1637 г. Вейн на посту губернатора сменил ортодокс Джон Уинтроп, один из основателей колонии. Новый магистрат издал приказ, ограничивший въезд в колонию возможных сторонников антиномистов. Летом этого же года уехал в Англию срочно вызванный туда Вейн.

Через месяц после его отъезда ортодоксы собрали синод священников для того, чтобы устроить судилище над Энн Хатчинсон. В это время Энн была беременна и плохо себя чувствовала, но ей не позволили даже сидеть до тех пор, пока не стало ясно, что стоять она больше не может. «Выражение ее лица обнаружило некоторую телесную немощь», - запишет ее главный гонитель Д. Уинтроп⁸. Во время расследования ее слова фальсифицировали, ей было отказано в праве приводить доводы в свою защиту, свидетелей с ее стороны запугивали. Несмотря на все сложности и препятствия Энн проявила

незаурядное мужество и стойкость. «Ее знание Священного писания, ее красноречие ужасали и приводили в ярость ее обвинителей». Вырвав у нее выражение сожаления в содеянном в письменном виде, священники заявили, что «ее раскаяние никак не проявляется в ее внешнем виде, поэтому они не верят ему»⁹. После нескольких недель инквизиции «ее защита, сначала ясная и блестящая, стала нерешительной и путаной, в конце концов, она замолчала»¹⁰. Энн Хатчинсон обвинили в двадцати девяти еретических ошибках (отыскать их помог предавший ее Джон Коттон), отлучили от церкви и осудили на изгнание. Был лишен гражданских прав и изгнан из колонии ее защитник Джон Вилрайт. Другие диссентеры были сурово наказаны. Синод священников принял решение о недопустимости собраний женщин, где решались бы вопросы веры и толковалась бы Библия.

«Теократия, объединяя в себе все власти колонии – церковную, административную и судебную, – расправилась со своей противницей, которую не удалось сломить в теологическом споре, расправилась, не считаясь с теократическими границами власти, процедурой судопроизводства, справедливостью. Все средства были хороши... Мужья, претендовавшие на «истинное» знание «слова Бога», испугались слова женщины, подвергшей сомнению их монополию на «истину», а таким образом, на их власть. Иначе говоря, на *уголовном* процессе Энн была осуждена за свои *религиозные* убеждения по *политическим* мотивам»¹¹.

Весной 1638 г., несмотря на холод и все еще лежащий снег, семья Хатчинсон покинула колонию Массачусетс. «Сила ее воздействия была такова, что за ней последовали еще тридцать пять семей»¹². Они отправились на юг к Роджеру Уильямсу, ранее из-за своих взглядов покинувшему Бостон, где основали колонию Род-Айленд. Семья Хатчинсон поселилась на острове Акиндек (Новый Плимут), приобретенном у индейцев. Но массачусетские враги преследовали Энн и здесь. В 1642 г. после смерти мужа она переехала в Новые Нидерланды, поселившись на берегу пролива между континентом и Лонг-Айлендом. Она купила этот кусок земли у голландцев, поверив в честность его приобретения ими у индейцев. Индейцы же, думая о ней как об участнице мошенничества, в результате которого у них отняли эту землю, в августе 1643 г. напали на нее с детьми, ее соседями и расправились с ними. Сегодня небольшая речка и шоссе, проходящее по этой земле, носят ее имя.

Власти Массачусетса, узнав о ее гибели, оповестили о ней жителей колонии как о «возмездии Бога за ее грехи». Жестокость

наказания Энн Хатчинсон – это мера масштаба ее личности и размеров угрозы ортодоксальному пуританскому образу жизни и веры. Опасность, которую представляла Энн, состояла не только в ее интерпретации теологии, но и в том факте, что она исходила от женщины. Энн бросила вызов церкви и колонии в вопросах нового отношения к веротерпимости и свободе совести. Как женщина она пошла дальше, впервые на этом континенте спрашивая о законности места, отведенного ее полу, к которому она принадлежала.

Но этот вопрос не было получено ответа, но его вновь и вновь задавали другие женщины, шедшие за Энн Хатчинсон.

В 1650 г. в Лондоне вышла из печати книга «Десятая муза, недавно появившаяся в Америке». Это был первый поэтический сборник светских стихов, написанных в американских колониях. Рекламный трюк, заложенный в названии, сработал, книгу хорошо раскупали, не сомневаясь, что это мистификация. Разве могла появиться какая – нибудь муза в диких местах? Но пятистопный ямб, которым были написаны стихи, был привычен для английского читателя. Сборник был хорошо принят, в нескольких лондонских журналах появились благоприятные отклики, которые не забыли отметить, что эти анонимные стихи – первые в англоязычной поэзии, написанные женщиной. Автором их была Анна Брэдстрит (1612 – 1672).

Она родилась в Англии. Ее отец Томас Дадли после недолгой военной службы стал управляющим имением графа Теофила Линкольна. Сэр Дадли был строгим пуританином, человеком большой учености и суровой воли. Благодаря образованным родителям, интеллектуальной свободе, царившей в замке, девочка быстро освоила чтение, письмо, музыку, несколько иностранных языков. Отец, которого местный священник называл «пожирателем книг», привил дочери любовь к чтению и сочинению стихов. В замке Линкольншира была большая библиотека, где Анна познакомилась с трудами Спенсера, Марлоу, Джонсона, Бэкона, Мильтона, Герберта и Шекспира. «Хотя Анна не училась в университете (как ее брат Самюэль в Кембридже), она была по елизаветинской традиции, ценившей женский интеллект, хорошо образована»¹³. В 1628 г. она вышла замуж за человека старше ее на девять лет, любившего ее и ставшего ей надежным другом на всю жизнь. Симон Брэдстрит происходил из состоятельной семьи из Суффолка. После окончания Кембриджа он стал помощником Томаса Дадли в Линкольншире. Семьи Дадли и Брэдстрит были горячими поклонниками проповедей Джона Коттона в

Англии и остались сторонниками его конгрегации после переезда в Америку.

В Новый Свет семьи перебрались весной 1630 г. на «Арабелле». В 1634 г. отец Анны стал губернатором Массачусетса, войдя в круг «аристократов» – ортодоксов. В 1637 г. он вместе с Джоном Уинтропом вел непримиримую борьбу с антиномистами. Муж Анны также стал одним из основателей и управителей колонии Массачусетс Бей. Сразу после переезда семья Брэдстрит поселилась в Бостоне в грубо сколоченной хижине на расчищенном от леса участке. Тяжелейшие условия жизни в колонии представляли собой разительный контраст с жизнью в Англии. Семья несколько раз переезжала, забираясь все дальше на запад, пока в 1644 г. не осела в северной части Андовера в районе Мерримака. Здесь у четы Брэдстрит появился большой дом, двадцать акров земли, здесь родились трое младших из восьми их детей. Симон Брэдстрит активно участвовал в жизни колонии, пройдя путь от секретаря колонии до губернатора, посла колонии и королевского советника. Он часто был вынужден отсутствовать дома. Весь труд в семье и доме ложился на плечи Анны. Добрая жена, заботливая мать, хорошая хозяйка - все свои обязанности она старалась исполнять в соответствии с пуританскими требованиями семьи и колонии. Эти ожидаемые от женщины роли хорошо описаны ею в «Эпитафии на смерть матери Дороти Дадли»:

«При жизни добродетельна, нежна,
Хозяйка, мать, покорная жена,
Соседка, друг, опора бедняков,
Что находила им и хлеб, и кров.

.....
Заветов веры ревностно держась,
Всегда готова встретить смертный час,
Она до малых внуков дожила,
И, всей семьей оплакана, ушла¹⁴.

Мужские качества и роли, уважаемые обществом, были изложены поэтессой в эпитафии на смерть отца и явили собой отражение драматической разницы в положении мужчин и женщин в обществе. Томас Дадли был признан за прямоту, решительность, принципиальность, патриотизм, что дало ему возможность стать гражданским и моральным лидером колонии. Но эти же качества отец когда-то привил своей дочери. Ее интеллект и характер искали выход. Поэзия и проза отразили ум и кругозор этой женщины, отважный, решительный характер понадобился для преодоления всех тягот жизни,

выпавших на долю первых переселенцев; для выхода за пределы стереотипа поведения пуританки. Большинство ее стихов написано в 1630 – 1642 гг., т.е. во время бесконечных переездов, обустройства на новых местах, рождения большинства из восьмерых детей. Весь этот период жизни у нее не было ни досуга, ни отдыха от тревожных мыслей и тяжелого физического труда, ни достаточного здоровья. С другой стороны, занятия литературой явно не вписывались в границы поведения, предписываемые пуританской моралью для женщин. Статус дочери одного губернатора и жены другого не смог бы защитить ее от презрения и преследований ортодоксальных колонистов. Ей приходилось быть крайне осторожной в своей поэзии, чтобы избежать участи Энн Хатчинсон; своей младшей сестры Сары Кин, отлученной от церкви, лишенной отцовского наследства и изгнанной из колонии за свободные рассуждения на религиозные темы; судьбы Анны Хопкинс, преследуемой церковью за литературные сочинения. Ее поэзия – отражение «конфликта между желаемой интеллектуальной и эмоциональной независимостью и желанием быть признанной и принятой мужскими авторитетами»¹⁵. Поэтому «Десятая муза» появилась на свет на другой стороне Атлантики в революционной стране без указания имени автора.

Анна Брэдстрит в своей поэзии, выказывая покорность мужским авторитетам, пуританской морали, все же сумела выйти за предназначенные ее полу границы. Ее сочинения представляют собой не сплошь псалмы и перепевы библейских мотивов. Она создает превосходную любовную лирику, хотя правила предписывают суровую сдержанность в проявлении чувств.

«Две наши жизни прожиты в одной.
Бывал ли кто, как ты любим женой?
Найдется ли счастливее жена?
Не ровня мне среди женщин ни одна.
Я не хочу от жизни гор златых –
Твоей любовью я богаче их.
Моя любовь полнее полных рек,
Мне за нее твоя дана навек.
И я, в долгу за эту благодать,
Молю творца стократ тебе воздать,
Еще мы живы – так давай любить!
В любви и смерть нестрашно пережить»¹⁶.

Поэтесса описывает домашний быт, картины американской природы, высказывает неприятие наиболее суровых догматов

кальвинизма. Характерны в этом смысле строки стихотворения на смерть полуторагодовалой внучки Элизабет Брэдстрит:

«Бессильно древо пред стальной пилой,
И лот морской, и плод земной падут,
Траву с лугов повькосят косой
И спелую пшеницу уберут.
Но зароженье для искорененья,
Но краткое, хоть яркое, цветенье,
Так и пребудет выше разуменья»¹⁷.

Но на этой опасной черте, за которой бунт против установлений Бога, Анна останавливается. Гораздо более смело и откровенно она высказывается по поводу роли, которую играют и могут играть женщины в жизни общества. Чтобы избежать нападок на восхваление возможностей и качеств женщин, поэтесса пишет о них в историческом контексте - в элегии, посвященной памяти королевы Елизаветы:

«Так есть о женщин польза или нету?
Спросите-ка о том Елизавету?
Как с королевством справилась она,
Бедняжечка безмужняя одна?»
И далее в элегии дает ответ:
«Ложное мнение о том,
Что пол наш лишен разуменья,
Есть клевета в наши дни,
А когда-то считалось изменой...»¹⁸.

Анна Брэдстрит характеризует Елизавету как «добрую, справедливую, образованную и мудрую правительницу, с которой считались все правители – мужчины. Она показала им, что у женщин достаточно отваги, ума, таланта, чтобы справиться с ролью королевы»¹⁹.

Гордость за свой интеллект и поэтическое искусство, за способности женщин Анна высказала в прологе к «Десятой музе»:

«Здесь многие клеветают на меня,
Что, мол, иглу бы ей в руках держать,
А не перо. Но я, за женщин мстя,
Сумею и пером всяк злой язык пронзять!
Да не всесильно и поэта мастерство.
Пусть и пронзит их всех мой стих могучий,
Они шипеть все ж будут: «Воровство
(Какой она поэт?!) или удачный случай!»²⁰.

Реакция мужчин-пуритан на выход из печати поэтического сборника не заставила себя долго ждать и была откровенно сформулирована ее братом в письме к Анне в 1650 г.: «Публикация книги существом твоего пола отвратительно пахнет»²¹.

Кроме стихов А. Брэдстрит писала прозу. Она дошла до нас в двух сборниках. Один из них «Религиозные опыты» состоит из коротких очерков о ее жизни, другой – «Размышления богословские и моральные» содержат афоризмы, свидетельствующие о философском складе ее ума, о ее интересе и понимании истории, политики и мотивов человеческого поведения в этих двух сферах. «Корабль, который несет много парусов, но мало груза, может легко опрокинуться. Человек с большими умственными способностями, но без благородства в сердце – легко подвержен краху». «Есть три стрелы – враг, эпидемия и клевета. Две первые поражают тело, последняя – доброе имя. Две первые не достанут человека в могиле, третья – достанет его и там». «Власть без мудрости, подобна мощному топору с тупым лезвием: он больше калечит, чем обтесывает». «У старых работников – больные руки, у старых грешников – больная совесть». «Дальнозоркость говорит о преклонном возрасте, близорукость правителей говорит о клонящемся к упадку государстве»²². В этих афоризмах также нашло свое отражение знание и глубокое понимание процессов, происходящих в Англии, которую она покинула накануне бурных событий, и сложной религиозно-политической ситуации на берегах бухты Провидения.

Осторожность в выражении своих мыслей и чувств, убедительное исполнение роли убежденной пуританки помогли Анне Брэдстрит избежать судьбы других неординарных женщин XVII века в Америке. До 1672 г. она жила на своей ферме в Андовере, которая до сих пор носит ее имя, в окружении детей и внуков. Умерла она в возрасте 60 лет. Ее образ был увековечен в 50-е гг. XX века архитектором Г. Гриллсом в витраже собора Св. Варфоломея в Бостоне в Линкольншире вместе с Анной Богемской и леди Бофорт – матерью Генриха VII.

Можно проследить удивительное сходство в жизнях двух выдающихся женщин Массачусетса середины XVII века. У Энн Хатчинсон и Анны Брэдстрит были образованные отцы, занимавшие высокое общественное положение. Их матери были благородного происхождения. Обе семьи были сторонницами выдающегося пуританского священника Джона Коттона. Обе девочки росли в атмосфере свободных дискуссий и независимых суждений. Обе женщины оказались в результате в одинаковой жизненной ситуации – их мощный интеллект не мог найти общественного применения и

выражения. Каждая нашла для себя частное решение – одна - в литературе, другая – в проповедях. Но поэзия, славившая бога, оказалась менее опасной для бостонской теократии, чем религиозные рассуждения. Поэтому конец жизни у женщин разный. Но одинакова проблема, которую они поднимали – о несправедливости распределения социальных ролей между полами.

¹ Бок Г. История, история женщин, история полов.// THESIS, 1994, №6. С. 172.

² Эванс С. Рожденная для свободы. История американских женщин. М., 1993. С. 11.

³ Antinomianism in the Colony of Massachusetts Bay, 1636-1638. Prince Society Publication, vol. XXI, 1894. P. 167.

⁴ Battis E. Saints and Secretaries. Anne Hutchinson and the Antinomian Controversy in Massachusetts Bay Colony. Chapel Hill, 1975. P. 75-76.

⁵ Паррингтон В.Л. Основные течения американской мысли. //В 3-х т. Т.1. М., 1962. С.69.

⁶ Flexner E. Century of Struggle. The Woman's Rights Movement in the United States. N.Y., Athenaeum, 1973. P.10.

⁷ Бурстин Д. Американцы: колониальный опыт. М., 1993. С.12 –13.

⁸ Antinomianism in Colony Massachusetts... P.168.

⁹ Ibid. P. 324.

¹⁰ Flexner E. Op. cit. P. 11.

¹¹ Слезкин Л. Ю. У истоков американской истории. Массачусетс. Мэриленд. 1630 – 1642. М., 1980. С. 192-193.

¹² Flexner E. Op. cit. P. 12.

¹³ Martin W. An American Triptych: Anne Bradstreet, Emily Dickinson and Andrienne Rich. Caroline Press, 1984. P. 21.

¹⁴ Поэзия США. М., 1982. С. 39.

¹⁵ Martin W. Op. cit. P. 17.

¹⁶ Истоки и формирование американской национальной литературы. XVII – XVIII вв. М., 1985. С.118.

¹⁷ Литературная история Соединенных Штатов Америки. В 2 т. Т. 1. М., 1977. С. 104.

¹⁸ Указ. соч. С. 105; История американской литературы. В 2 ч. Ч. 1. М. 1971. С. 29.

¹⁹ Martin W. Op. cit. P. 16.

²⁰ Аптекер Г. История американского народа. Колониальная эра. М., 1961. С. 133.

²¹ Martin W. Op. cit. P. 58.

²² Tyler M. A History of American literature: 1607 – 1765. N.Y., 1962. P. 253.